

ВРЕМЯ ВОРОБЬИНОЙ ЛЮБВИ

... Я унесла Пиньку далеко в сопки и там похоронила, поливая крошечное тельце легкими детскими слезами.

Это было первое настоящее горе в моей жизни. Оно отделило часть, называвшуюся "довоенным детством" и "эвакуацией", от остальной, в которой будет еще много печальных рубежей. По малости лет я не осознавала, что беззаветная и ничем не омраченная эра любви к отцу, больше похожей на поклонение святому, тоже закончилась.

История нашей с Пинькой любви не будет понятной до конца или, во всяком случае, не наполнится *тем* смыслом, который она имела для меня, если не рассказать о *том* времени и *тех* людях. Только время придает вкус и цвет воспоминаниям.

1

Мой отец, морской офицер, а тогда красный командир, служил на Северном флоте с самого его основания. В 1933 году с первыми военными кораблями он пришел из Кронштадта в Кольский залив. В 38-м мама спорола с рукавов его кителя четыре средние золотые нашивки и пришила одну широкую - капитан 1 ранга.

Из довоенного времени, прожитого на военно-морской базе в Полярном, запомнилось не слишком много: к роковому дню фашистского нашествия мне минуло всего семь лет.

Мое дошкольное детство было счастливым, полным простых удовольствий. Основное - катание на лыжах и санях, изо дня в день, в течение всей зимы, которая за шестьдесят девятой параллелью, согласно местной частушке, никогда не кончается:

Полярное, Полярное, веселая планета:

Двенадцать месяцев зима, а остальное - лето.

В десяти шагах от нашего подъезда начинались сопки, здесь целый день возилась детвора из двух привилегированных домов - единственно кирпичных во всем поселке, не считая школы и штаба флота. В снегу, на склонах, выкапывались крутые ступени-трамплины, и наивысшей доблестью считалось скольжение на санках лицом вниз - если не уметь виртуозно тормозить руками, можно разбить подбородок или с размаху удариться о стену дома. Проехать мимо и того хуже: за домом - скальный десятиметровый обрыв. Особым шиком была езда с горы стоя, на выступающих сзади полозьях так называемых финских саней, похожих на кресло-качалку.

Дети становились на лыжи, как только начинали ходить, а в темное время лыжами и даже санями стыдливо баловались взрослые. Скоростным спуском, да еще с разными выкрутасами, вроде кульбитов в воздухе, ребятя владела в совершенстве, соревнуясь и хвастаясь друг перед другом. Причем лыжные крепления у большинства были мягкие, кожаные, надевали их прямо на валенки и туго подкручивали палочками.

Как сейчас, вижу короткие и широкие обшарпанные лыжи грязно-желтого цвета, чрезвычайно устойчивые и удобные для разворота на 180 градусов. Не знаю, откуда они у меня взялись, кажется, достались по наследству от кого-то, кто уже откатал свое детство. Лихо, без палок, балансируя руками, я взлетала над трамплинами. До сих пор